

СНЕЖНАЯ КАТЕРИНА

ДОЧЬ
ПАЛАЧА

18+

Катерина Снежная

Дочь палача

«Автор»

2026

Снежная К. С.

Дочь палача / К. С. Снежная — «Автор», 2026

— Если я скажу, что не убью тебя, ты поверишь?— Нет.— А если скажу, что хочу тебя?— Тем более нет.— Умница. Меня втянули в чужую войну. Мой отец двенадцать лет служил палачом у президента азиатской страны, потом исчез, оставив архивы, за которыми пришли все. Спецслужбы. Наёмники. И он — Давид Батыров. Он не маскировался под друга. Не играл в благородство. Он сразу сказал, что я для него инструмент — и я согласилась. Потому что выбора у меня не было. Потому что мама умирала. Потому что от его взгляда у меня немели кончики пальцев. Сегодня он президент страны. А я — единственный человек, который знает его настоящего. От автора: В этой книге вас ждут: Dark romance Политический триллер Восточный сеттинг Антигерой

© Снежная К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Катерина Снежная

Дочь палача

Глава 1

Тот день, когда отец исчез, выцвел в памяти, оставив после себя лишь физиологию потери — пересохшее горло и едкий вкус соли на обкусанных губах. Мне было девять. Я не знала тогда, что спустя двенадцать лет его возвращение вьестся в реальность с оглушающим скрежетом.

Длинные тени от тополей ломались на неровностях дороги, стелясь вслед за его фигурой. Он не появился из ниоткуда — он просто вышагнул из плотного, душного марева вечера. Я сидела на крыльце, наблюдая, как вырисовывается его массивный силуэт. Шаг за шагом. С натужным, тягучим ритмом. Выцветший армейский рюкзак и потрепанный чемодан оттягивали его плечи вниз, но казалось, что за ним волочится не багаж, а нечто куда более плотное. Чужая, чугунная усталость.

Тлеющий огонек сигареты пульсировал в его пальцах. Едкий дым дешевого табака полз к крыльцу, оседая на языке горечью. Ветер трепал сизую завесу, но она липла к его куртке, впитываясь в ткань.

Он остановился у ступеней. Губы дрогнули, обнажая неровный ряд зубов, пересохшая кожа на лице натянулась.

— Что, Буяна? Не признаешь отца?

Голос царапал слух, как каменная крошка под подошвой. На этот сухой скрежет из-за сетчатой двери вышла мама. Воздух на веранде мгновенно спрессовался, вытесняя кислород. Она остановилась так резко, что плечо впечаталось в деревянный косяк. Фаланги ее пальцев впились в дверную раму с такой силой, что дерево жалобно скрипнуло.

Она сканировала его лицо, пытаясь отыскать прошлое под глубокими рытвинами шрамов и огрубевшей кожей. Но пугало не лицо. Пугал взгляд. Стекланный, пустой, с максимально расширенными зрачками. Он смотрел не на нас. Его фокус прошивал нас насквозь, цепляясь за невидимые мишени за нашими спинами.

Еще один тяжелый шаг вперед, и его тень накрыла деревянный настил крыльца. До меня докатился его запах. Густой, удушливый коктейль: вьевшийся пот, табак и стойкий, кислый душок оружейной смазки и старого железа. Мама судорожно сглотнула, ее грудная клетка замерла на вдохе — она тоже узнала этот запах.

— Лариса, неси мужу выпить. Встречай с дороги.

Он не просил. Фраза упала между нами тяжелым булыжником. В этой будничной интонации сквозила абсолютная, железобетонная уверенность человека, привыкшего брать свое. Ему было плевать на замерших у заборов соседей. Он стоял посреди нашего двора, словно врос в землю, как выветренный монолит.

Мама, подчиняясь старой, вшитой под корку привычке, вынесла граненый стакан с водкой и куском соленого огурца на блюдце.

Он выпил, не морщась. Острый кадык дернулся на шее. Грубые, исполосованные белесыми рубцами пальцы сжимали стекло так плотно, будто собирались раскрошить его в пыль. Последние капли прозрачной жидкости медленно стекли по граням на землю.

— Скучали, вижу, — выдохнул он.

В интонации мелькнула издевка, смешанная с глухой хрипотой. Огурец хрустнул на его зубах с отвратительным, влажным звуком раздавленного хряща. Отец перевел взгляд на дом.

Сканировал методично, по секторам: трещины на облупившейся краске, покосившийся водосток, новые светлые занавески в окнах. Он не смотрел — он оценивал периметр.

Мама обхватила себя руками за плечи, комкая ткань кофты. Ее плечи ссутулились, словно она пыталась занять как можно меньше места в пространстве.

— Ну что, покажешь, как жили без меня? — Он небрежно швырнул огрызок в высокую траву.

Она коротко кивнула. Это выглядело как смирение, но я знала цену этому дому. Двенадцать лет назад, после его исчезновения, нас вышвырнули из городской квартиры. Эти стены стали нашим бункером. И теперь чужак, пахнувший пороховым и перегаром, переступал порог, взламывая нашу защиту.

— Пойдет, — бросил он, заметив у сетчатой ограды застывшего Ивана Петровича. — Эй, мужик! Как по батьке? Подгребай сюда, pomoжешь чемодан закинуть. По-соседски. Поживу здесь. Семья все-таки.

Ботинки с глухим стуком ударили по деревянным ступеням. Он поднимался тяжело, но без малейших колебаний. Я шагнула в сторону, пропуская маму, которая молча потянулась следом.

Он вошел в коридор, заполняя собой все узкое пространство. Заглянул в гостиную, мазнул взглядом по кухне, будто проверял слепые зоны в давно оставленном укрытии.

— Показывай, — он повернулся к маме, сдвинув брови. Голос упал до низких, вибрирующих частот. — Где твоа спальня?

Тишина стала вязкой. Воздух в коридоре уплотнился, выдавливая кислород. Он дышал шумно, со свистом втягивая запахи дома. Его фокус, тяжелый и цепкий, смещался с меня на маму — не взгляд вернувшегося родственника, а холодная калибровка живых объектов на территории.

Удивило одно: он даже не допускал мысли, что за двенадцать лет здесь мог появиться другой мужчина. Он входил сюда как единоличный владелец, которому плевать на смену декораций. За моей спиной зашуршал сосед, Иван Петрович. Он кряхтел, волоча чемодан обеими руками.

— И как величать-то вас? — сосед попытался выдавить дружелюбную улыбку, но голос дрогнул, обнажая страх перед чужаком.

Отец неторопливо повернул голову. Взвесил Петровича взглядом, будто решая, достоин ли тот вообще знать его имя.

— Семен, — глухо выронил он. И после паузы, вдавливая каждое слово: — Семен Потапович. Военный я. Из горячих точек. Родину защищал. Вопросы есть?

Интонация не предполагала ответов. Это был приказ заткнуться. Петрович сглотнул, кивнул маме и бочком выскользнул за дверь. Отца он испугался — это отчетливо читалось в его сутулой спине и торопливых шагах.

— И как мне к нему обращаться? — вполголоса спросила я маму, осознавая масштабы надвигающейся катастрофы. Три маминых ухажера, бывших в моей жизни, так и остались для меня просто чужими мужиками. А этот планировал здесь жить.

Услышал. Развернулся всем корпусом.

— Для тебя — отец, — отчеканил он, нависая над нами. — Что уставились? Думаете, пустой приехал? Нахлебником?

Рюкзак с тупым ударом рухнул на доски. Лязгнула молния. Он вытащил толстую, перетянутую резинкой пачку купюр и впечатал ее маме в ладонь.

— Закончатся — скажешь.

Затем он перевел прицел на меня. Колючий, парализующий холод.

— И не смей смотреть на меня как на бродягу, девка. Я генерал. И подохну генералом.

Купюры жгли маме руки. А я поняла: вместе с этими деньгами он притащил за собой густую, гниlostную тень прошлого, которая накроет нас с головой.

Ветхая куртка и стоптанные ботинки не делали его похожим на местного забулдыгу. Под заношенной тканью угадывалась литая, жесткая мышечная масса. Машина для убийства, которую списали в утиль, и теперь она ржавела, заливая шестеренки спиртом.

Он спивался страшно. Методично. В нем копилась темная, вибрирующая агрессия — не пьяная расхлябанность, а сжатая пружина, готовая выстрелить в челюсть любому, кто нарушит его границы. Позже выяснилось, что до того, как заявиться к нам, он прощупывал почву. Бродил по поселку, выпытывал у соседей про наш скромный гостевой бизнес, про постояльцев. Собирал разведданные.

Его режим пугал своей маниакальной точностью. Днем он патрулировал окрестности, вымеряя шагами дороги и перекрестки. А вечером садился в пустом зале на первом этаже, мешал водку с пивом и глухо пил. В абсолютной тишине. На попытки заговорить реагировал стеной. Просто смотрел сквозь человека остекленевшими глазами, в которых фонила ненависть ко всему живому.

Мной он не интересовался. Исключение составляли чужаки. Однажды ко мне зашел Антон, однокурсник с IT-факультета — мы закрывали общий проект по универу. Я имела неосторожность брякнуть, что он новенький в поселке.

Отец шагнул к парню, перекрывая выход. Он приняхивался, сканировал Антона так, словно выискивал под курткой пояс со взрывчаткой. Начался жесткий, перекрестный допрос с пристрастием. Отпустил он его, только убедившись, что Антон местный. Мне же достался такой взгляд, от которого мышцы свело судорогой. Шутить я перестала.

За его отчуждением крылась клиническая паранойя. Он высматривал не просто людей — он искал выправку. Жесткую челюсть. Военную статью. Его страх был заразен. Липкими щупальцами он пробрался в мою голову, инфицируя сны. По ночам я просыпалась в липком поту: безликие люди в камуфляже с изуродованными лицами стягивали кольцо вокруг нашего дома.

Когда алкоголь окончательно стирал границы реальности, отца прорывало. Из зала доносились хриплые монологи. Он спорил с призраками на смеси русского и гортанного языка Тюркестана — сопредельного государства, где годами тлел вооруженный конфликт. В этих звуках было столько первобытной жути, что я запирала дверь комнаты на щеколду.

Иногда призраков становилось мало. Ему требовались живые зрители. Залетные туристы превращались в заложников. Он вламывался в номера, сгонял растерянных людей в зал, ставил на стол граненые стаканы. Подчинял их своей искаженной воле. Руки у постояльцев тряслись, когда они, бледнея, слушали его пьяные откровения о резне и зачистках.

Он заставлял их рвать «За Победу!», пока стены не начинали гудеть. Малейшее неповиновение — и он взрывался. Тех, кто отказывался пить, объявлял «слабаками» и с матом вышвыривал в ночь, кидая следом дорожные сумки прямо в грязь. Отбой наступал только по его команде. А до тех пор я лежала в темноте и слушала его лекции о смерти. Он рассказывал о казнях. О том, как пахнет человеческая паника. Как толпа превращается в стадо скулящих животных. Называл имена из международных новостных сводок, перечисляя глобальных мясников как своих старых приятелей.

Наш скромный бизнес умирал. Запуганные гости строчили жалобы, бронирования рухнули. Зато потянулись местные адреналиновые наркоманы — послушать байки о выживании. Для поселка он стал мрачной легендой. Местные кумушки вздыхали, глядя на его широкую спину: «Настоящий полковник».

А мы с мамой шли ко дну. Пачка купюр, швырнутая им в первый день, давно растаяла. Но попросить еще мама физически не могла. Стоило ей робко заикнуться о счетах, как его

челюсть каменела, а во взгляде концентрировалась такая глухая, удушающая ярость, что мама отступала.

Она ломалась под этим взглядом за пару секунд. Выбегала из комнаты, жаловалась мне, но никогда не перечила ему. Рядом с ним она теряла волю. Оседала, словно тесто, из которого он лепил удобную, бессловесную оболочку.

Их отношения вызывали у меня глухое непонимание. Ночью из-за тонких стен их спальни доносились ее вскрикивания — тягучие, надрывные, на грани боли и изломанного удовольствия. Он владел ею не только морально, но и физически, привязывая к себе жестким, подчиняющим сексом. И она прощала ему этот ад, панически боясь лишь одного: что он снова растворится в тумане, оставив ее пустой.

Глава 2

Он стирал свою выцветшую форму жестким мылом, сушил на батарее и снова натягивал на себя. Никаких мягких домашних футболок, никаких новых курток. Он отказывался обрести бытом. Смартфона у него не водилось. Если мама забывала выключить телевизор, он не искал пульт — просто выдирали шнур из розетки, глухо бормоча что-то про ящик для промывки мозгов. Wi-Fi роутер он однажды накрыл плотной тканью, словно его раздражало само мигание диодов. Ни писем, ни звонков, ни цифрового следа. Он был призраком из плоти и крови. Но вскоре мне предстояло узнать, что в этом доме секреты есть не только у моего отца.

В один из таких вечеров в эпицентр его пьяной контузии затянуло Ивана Петровича. За запертой дверью гостинной тяжелым басом громыли армейские песни и хриплые тосты. Концерт оборвался, когда на крыльцо влетела жена соседа, Мария Тимофеевна, а за ее спиной маячил Андрей Васильев.

Васильев числился местным муниципальным психологом, но в нашем забытом богом поселке, где людей вечно не хватало, он тянул на себе всё: от горячей линии для трудных подростков до переговоров с буйными мужьями. Этаким местным кризис-менеджером.

Мария Тимофеевна обрушила кулаки на массивное дерево двери. Никакой реакции. Мама лишь устало прислонилась к обоям в коридоре, сложив руки на груди:

— Ждем. Бутылка была одна. По моим расчетам, минут через десять его вырубят.

Тягучие минуты капали в тишине. Когда щеколда наконец лязгнула, и дверь поддалась, нас обдало спертым, горячим воздухом, настоящим на сивушных парах и табаке. Иван Петрович лежал под столом неподвижной грудой, пуская носом пузыри.

— У него мотор слабоватый! Я вас по судам затаскаю, сволочи! — задыхаясь, прошипела соседка, пытаясь ухватить обмякшего мужа за подмышки.

Васильев молча шагнул в комнату, перехватил тело соседа и без видимых усилий поднял его на ноги. Я невольно засмотрелась. Высокий, подтянутый блондин с холодными серыми глазами. Ткань повседневной рубашки натягивалась на широких плечах. На фоне моего ссутулившегося, заросшего щетиной отца, сливающегося с тенями, Васильев казался высеченным из другой породы. От него пахло свежим морозным воздухом, чистотой и уверенностью.

Я заглядывалась на него, как и половина девчонок в округе. Он выбивался из нашего пейзажа, притягивая взгляд. Но для тридцатилетнего Васильева я оставалась пустым местом — зеленой студенткой с кучей семейных проблем, на которую можно смотреть разве что с профессиональным, прохладным сочувствием.

— А ну-ка, кабанчиком хватай стакан, — пророкотал отец.

Его массивная фигура надвинулась на Васильева, перекрывая свет от тусклой люстры. Третий собутыльник — не выдержавший темпа постоялец — спазматически блевал где-то под скатертью. Отец даже не опустил глаз на этот звук. Он тяжело перенес вес на другую ногу, пнул носком армейского ботинка пустой табурет в сторону вошедшего психолога и вытер мокрые губы тыльной стороной ладони. Отработанный материал под столом его больше не интересовал — ему требовалась свежая мишень.

Васильев никак не отреагировал. Он методично перекинул обмякшую руку Петровича себе через шею, подстраиваясь под мертвый вес пьяного тела.

Отец, не привыкший к глухому игнорированию, выбросил вперед кулак. Удар по столешнице вышел такой силы, что толстое стекло стаканов жалобно звякнуло, а недопитая бутылка подпрыгнула. Я инстинктивно вжала голову в плечи — спинной мозг помнил этот звук, предвещающий взрыв.

Но на Васильева этот акустический удар не произвел никакого эффекта. Ни микроспазма в плечах, ни сбитого ритма дыхания. Он спокойно, почти буднично продолжал инструктировать побледневшую соседку, как лучше перехватить мужа за пояс. В комнате повисла вязкая тишина, в которой монотонный баритон психолога звучал как откровенное издевательство.

На шее отца вздулись вены, толстые и натянутые, как кабельные шнуры. Кожа над скулами пошла неровными бордовыми пятнами. Он с грохотом обрушил на стол уже обе ладони. Сквозь стиснутые, пожелтевшие зубы прорвался рык, густо пересыпанный матом:

— Я сказал — пасти закрыли! В моем доме!

Васильев наконец остановился. Медленно, не выпуская из захвата соседа, он повернул голову.

— Вы вообще к кому обращаетесь? — тон был абсолютно гладким, без единого скачка эмоций.

— К тебе, мать твою! К кому еще?! — отец выплевывал согласные, брызгая слюной.

Васильев свел светлые брови к переносице. В его серых глазах не было ни грамма испуга — только брезгливая констатация факта.

— Послушай, мужик. Если продолжишь вливать в себя эту дрянь такими дозами, скоро переедешь на погост. И в мире станет на одного грязного алкаша меньше. Воздух чище будет.

Отец дернулся так, словно в него всадили разряд тока. В долю секунды его рука метнулась к кухонной полке. Металл сухо звякнул о кафель. Широкий тесак для рубки мяса описал дугу в воздухе, застыв в миллиметрах от лица Тимофеевны. Женщина подавилась собственным вдохом и отшатнулась.

На лице Васильева не дрогнул ни один мускул. Он не отступил ни на миллиметр. Только его грудная клетка заметно расширилась, когда он набрал больше воздуха, чтобы голос ударил прямо по барабанным перепонкам:

— Если ты, ублюдок, сейчас же не положишь железо на место, я гарантирую тебе камеру. И не только за угрозу убийством. Пойдешь по статье за нападение и терроризирование гражданских лиц.

Он вытолкнул Петровича в коридор, перевалив тяжесть на маму и соседку, и развернулся всем корпусом.

Они застыли друг напротив друга. Расстояние в полтора метра пульсировало от давления. Отец — сжатая, дышащая перегаром гора мышц с тесаком в руке. И Васильев — с прямой спиной, опущенными вдоль тела пустыми руками и абсолютно нечитаемым, мертвым взглядом.

Я вжалась лопатками в жесткую штукатурку стены, не в силах оторвать глаз от этой статики. Мужская иерархия выстраивалась прямо у меня на глазах без единого удара.

Отец сломался первым. Мелкая дрожь прошла по его предплечью. Он с глухим стуком бросил тесак обратно на полку. Ссутулился, разом растеряв весь свой пугающий объем, тяжело осел на табурет и плеснул себе на два пальца водки.

— А теперь слушай внимательно, — Васильев бросил короткий взгляд в мою сторону, проверяя мое состояние, и снова пригвоздил отца к месту. — Раз уж на моем участке образовалась семья с агрессивным алкоголиком, я устанавливаю за тобой надзор. Круглосуточный. Я и участковый.

Отец вскинул голову. Желваки на его лице ходили ходуном, перемалывая задавленную ярость, но он промолчал, сверля психолога исподлобья.

— И если до меня дойдет хоть один звук. Одна жалоба, — Васильев чеканил слова, словно гвозди вколачивал. — От кого угодно. Я выверну тебя наизнанку и вышвырну за периметр. Поверь, власти у меня хватит. И мне плевать на твои бывшие погоны. Понял меня?

Не дожидаясь ответа, психолог шагнул в коридор.

В ту ночь в доме стояла мертвая тишина. Отец больше не издал ни звука. Отправил скулящего под столом второго собутыльника прочь, тяжело поднялся по лестнице и заперся у себя.

Глава 3

Лето уступило место сырой, пронизывающей до костей осени. Туристический поток иссяк, обрезав наши и без того скудные доходы. Чтобы удержать нас на плаву, мама взяла вторую смену — мыла полы в корпусах моего университета. Васильев помог ей туда устроиться. Я же тащила на себе весь пустой гостевой дом. Между лекциями и стиркой белья времени на сон почти не оставалось.

Но хуже пустых карманов давила социальная изоляция. Соседи переходили на другую сторону улицы, лишь бы с нами не пересекались. К ноябрю стало очевидно: Иван Петрович не доживет до праздников. Та попойка запустила необратимый процесс, алкоголь добил мотор, и сосед угасал с каждым днем. Наша вина за это висела в доме плотным, невыветриваемым смогом.

К концу месяца зима вошла в свои права. Местность выцвела до серо-мглистого градиента, солнце скрылось за плотным щитом облаков, а по ночам в окна бились метели.

Отец игнорировал минус на термометре. Он продолжал патрулировать поселок в легкой куртке и надвинутой на брови кепке. Пару раз мы сталкивались плечами в узком коридоре, и меня обжигало. От него исходил неестественный, лихорадочный жар, ткань его одежды нагревалась, как поверхность печи.

С той самой ночи, когда он сцепился с Васильевым, у него появилась новая привычка — ритмичный щелчок складного ножа. Теперь он носил сталь с собой постоянно.

— Четырех пальцев длины достаточно, чтобы достать до сердца, — как-то бросил он, методично вычищая острием грязь из-под ногтей. Лезвие в его руках было в два раза длиннее.

В то утро он предупредил, что вернется к обеду. Слишком рано. Видимо, мороз все-таки вносил коррективы в его маршруты. Я наблюдала сквозь обледеневшее стекло, как он спускается с крыльца. От его корпуса валило густое испарение, смешиваясь с белыми облаками дыхания. Он выплюнул грязное ругательство в лицо ветру и растворился в белой пелене.

Мама ушла на смену. Мои лекции перевели на удаленку из-за карантина, так что я успела выдраить первый этаж и накрыть для отца стол в столовой. Хотелось закончить быстрее и забаррикадироваться у себя наверху.

Резкий звонок в дверь сломал тишину.

Я откинула щеколду. Женщина на пороге выглядела чужеродным элементом в нашей глуши. Мороз выбил на ее высоких скулах жесткий румянец, контрастирующий с фарфоровой бледностью кожи. Резкие порывы ветра трепали жесткие черные пряди, выбившиеся из-под тяжелой меховой шапки. Мочку одного уха оттягивала массивная золотая серьга тонкой ювелирной работы — калач со сканью. Цыганка?

Дорогой меховой полушубок не вязался с подолом длинной юбки, метущим снег. В ее осанке не читалась армейская выправка, но взгляд... Тяжелый, сканирующий, свинцовый. Он цеплял за внутренности и тянул на себя. Точно так же на людей смотрел мой отец.

— Что вам нужно? — спросила я.

Мои глаза автоматически скользнули поверх ее плеча, выискивая на дороге припаркованную машину или хотя бы багаж у ступеней. Чистый снег. Напрасные ожидания.

— Я понимаю, что здесь не ресторан. Гостевой дом, — ее голос звучал приглаженно, едва уловимым гортанным акцентом. — Чашку чая.

Она стянула кожаную перчатку. В пальцах с безупречным черным глянцем длинных ногтей мелькнула хрустящая зеленая купюра. Не мелкая сдача — серьезный номинал.

Учитывая наши долги и мамины смены со шваброй, гордость давно стала для меня непозволительной роскошью. Бумажка отправилась в карман моего объемного худи. Я кивнула в сторону гостиной.

Женщина проигнорировала вешалку. Прошла в зал прямо в тяжелом меху, будто не собиралась задерживаться, и замерла у сервированного стола.

— Стой, — бросила она мне в спину, когда я уже развернулась к кухне. — Ближе.

Тон не терпел возражений. Я сделала пару шагов назад, чувствуя неприятное покалывание между лопаток. Незнакомка кивнула на отцовский край скатерти: пустая тарелка, граненый стакан, графин.

— Обед для генерала Жела?

Слово щелкнуло в памяти. Жел. На тюркском — ветер.

— Понятия не имею ни о каких генералах, — я скрестила руки на груди, выстраивая барьер. — Стол накрыт для отца. И да, он бывший военный.

Темные глаза женщины сузились. В уголках рта пролегли жесткие складки, обнажая скрытое напряжение.

— Это ничего не меняет, девочка, — она шагнула в мою сторону, заполнив пространство запахом тяжелого, дорогого парфюма и мороза. — Шрам поперек всего горла. Когда пьет — непробиваемый хам. Баб не бьет, но в хорошей драке кулаками работает исправно. А по трезвости молчит, как могильная плита. У твоего отца ведь есть шрам?

Она не спрашивала. Она прибавала фактами.

Я медленно кивнула. Специфический у него круг общения. Станный отец — опасные визитеры.

— Я хочу знать, здесь ли он остановился. И где он сейчас.

— Ушел по маршруту. Обещал быть к обеду, — я все-таки отступила на кухню, чтобы разорвать дистанцию. Щелкнула кнопкой чайника, вскрыла упаковку с заваркой.

— Как часто он уходит?

— Каждый день.

— Когда вернется? — она бесшумно подошла и забрала из моих рук дымящуюся кружку. Черные глянцевые ногти контрастировали с белым фаянсом.

— С минуты на минуту.

Я смотрела, как она делает короткий глоток.

— Уверены, что он будет рад встрече?

Над кромкой кружки я увидела ее глаза. Радужка стала казаться почти черной, зрачки расширились, а в геометрии лица проступило нечто сжатое, как перед броском. Воздух вокруг нее словно наэлектризовался. Мой отец вообще мало кому радовался, а уж ей — тем более.

Но предупреждать его или указывать ей на дверь я не собиралась. Деньги в кармане худи давали мне железобетонное алиби на невмешательство.

Чай остывал в ее кружке. Минутная стрелка на настенных часах отсекала время сухими щелчками, подбираясь к двум часам дня. Осанка гостя ломала привычную геометрию комнаты. Абсолютная вертикаль позвоночника, развернутый плечевой пояс, ни малейшей попытки опереться на спинку стула. Люди в расслабленном состоянии так не сидят. Эта выверенная статика выдавала постоянную боевую готовность.

Я сделала полшага к выходу, рассчитывая перехватить отца в коридоре.

Тонкий фаянс звякнул о блюде.

— Стоять.

Короткое слово ударило по ногам, блокируя шаг. Лицевые мышцы женщины дрогнули, сбросив маску светской отстраненности. Под кожей проступила голая, маниакальная угроза. Я отшатнулась, оперевшись лопатками в стену. В следующую секунду фасад вернулся на место. Гостья сделала глоток, прикрыв веки от мнимого удовольствия.

— У меня есть дочь твоего возраста, — ее интонация имитировала дружескую беседу, но слова падали свинцовыми грузами. — Вы все одинаковые. Послушание — вот база. Если бы Жел воспитывал тебя сам, тебе бы не приходилось повторять дважды. У него жесткая дрессура. Он всегда...

Она оставила кружку и подошла к окну. Ткань мехового полушубка зашуршала при движении.

Мой мозг пытался анализировать ее бред. Жел? Ветер? Отец присутствовал в моей жизни до пяти лет. В детских обрывках памяти остались игры в солдатики и совместные разгадывания ребусов. Но того человека больше не существовало — его выжгло изнутри, оставив лишь оболочку.

Гостья отступила от подоконника. В ее глазах зажегся нездоровый, пульсирующий азарт.

— Дождались. Сам генерал Жел. Собственной персоной, — она схватила меня за запястье. — Идем. Он обожает эффектные появления. Девушки из торта, все в таком духе...

Ее пальцы сомкнулись на моей коже, как тиски. Она втащила меня в слепую зону за дверной створкой гостиной, перекрывая своим корпусом.

Мой затылок впечатался в обои. Воздух пропитался ее густым парфюмом, сквозь который пробивался острый, кислый запах человеческого адреналина.

Замок ее сумочки щелкнул. Внутри, на гладкой черной подкладке, лежал тактический нож. Компактный, с зазубренным у основания лезвием — идеальная длина, чтобы пройти между ребрами и достать до миокарда. Носок ее сапога отбивал беззвучный ритм по линолеуму. Тремор кистей выдавал предвкушение убийства.

Входная дверь распахнулась. Стук армейских ботинок по доскам, шуршание снимаемой куртки. Отец пересек порог, направляясь напрямиком к накрытому столу. Он не сканировал периметр, уверенный, что я налила суп и убралась наверх.

Гостья шагнула из тени.

— Генерал Жел! Сладкий мой.

Рефлексы отца сработали до того, как мозг обработал информацию. Он выбросил тело вперед, прошивая пространство тремя размашистыми шагами для удара, но на середине дистанции мышечный импульс оборвался. Ботинки вмерзли в пол.

Его грудная клетка застыла на полувдохе. Лицевые мышцы парализовало. А через секунду его габариты изменились. Плечевой пояс просел, шея втянулась в ключицы. Из пугающего монолита он превратился в изношенного, загнанного в угол старика. Сдулся, лишившись внутреннего каркаса.

— Не признаешь? Приятель? — в ее тоне зазвенела концентрированная издевка. — Память отшибло, или спирт выжег остатки нейронов?

— Малика, — воздух вышел из его легких с присвистом пробитой шины.

Глава 4

— Узнал, — выдохнула она с протяжной, почти ласковой интонацией. — Значит, спирт выжег не все нейроны. Пак и пули, которые мы делили, еще помнишь. Мой сладкий Жел... Страшно представить, сколько лет мы не виделись.

Кадык отца дернулся. Мышцы на его шее напряглись, образуя толстые жгуты, но привычной звуковой волны не последовало. Голос дал осечку, прозвучав сипло и надломлено:

— Ты нашла меня. Стоишь здесь. Зачем пришла?

Женщина шагнула в мою сторону. Тонкая рука в черной перчатке метнулась вперед, стальным крюком обхватывая мою шею сзади. Жесткие фаланги сдавили трахею ровно настолько, чтобы сбить мне дыхание, но не сломать хрящ. Я замерла, физически ощущая, как пульс забился прямо под ее большим пальцем.

— Какая прелесть, — проворковала Малика, вжимая меня спиной в свой меховой полушубок. — Дочь. Кто бы мог подумать, Жел. Давай отправим девочку за добавкой к твоему пойлу? Пусть прогуляется, подышит воздухом, пока мы вспомним наше боевое прошлое. М?

Глаза отца сузились до непроницаемых щелей. Он просчитывал варианты. Выпустить меня за периметр дома, где могли стоять ее люди, означало смертный приговор.

— Никуда она не пойдет, — отрезал он, тяжело опираясь кулаками о столешницу. — В доме все есть.

— Тогда тащи, зайчика, — Малика разжала хватку. Воздух со свистом ворвался в мои легкие, а на коже остались гореть следы от ее ногтей. — Изучай азы гостеприимства.

Влажный, пробирающий до костей холод подпола ударил по разгоряченному лицу. Я достала с полки стеклянную банку и ледяную бутылку, оставляющую мокрые следы на пальцах.

Когда я вернулась в гостиную, дистанция между ними сократилась до минимума. Их корпуса подались друг к другу над скатертью. Малика так и не сняла свою тяжелую шапку. В густом, прокуренном воздухе висели обрывки неразборчивых, спрессованных фраз. Они не разговаривали — они вели позиционную войну в шепоте.

Я поставила тару на стол. Стекло резко звякнуло о дерево.

— Наверх, — скомандовал отец, не отрывая взгляда от госты. И добавил с нажимом: — Дверь в зал не закрывай.

Малика плавно перехватила бутылку за горлышко.

— Будь умницей. Взрослые игры не по твоим зубам.

Я поднялась к себе. Оставила дверь приоткрытой, как было велено. На мониторе ноута светился недописанный курсовик, рядом лежали конспекты — нелепый, картонный реквизит нормальной жизни, который прямо сейчас рассыпался в пыль на фоне того, что сидело на нашей кухне.

Тишина давила на барабанные перепонки. Никаких привычных воплей, звона бьющейся посуды или мата. Только низкий, монотонный вибрационный гул двух голосов, сливающихся с гудением холодильника.

Хронометраж растянулся на сорок минут. А затем этот гул начал ломаться. В звуковой фон вторглись гортанные, режущие слух чужие слова. Туркский диалект. Градус накалялся, амплитуда звука росла, перерастая в агрессивную акустическую свалку.

Разрядка раздалась по перекрытиям дома. Дерево стола внизу жалобно хрустнуло под тяжестью обрушившихся кулаков.

— Нет! — связки отца работали на пределе, выталкивая хриплый, первобытный рев. — Ты оглохла?! Тысячу раз — нет! Хватит!

Короткий провал в тишину разорвал рев отца. Звук шел откуда-то из самой диафрагмы, резонируя в деревянных перекрытиях:

— Нас всех там положат, как свиней! И если до этого дойдет, в расход пойдут все. Я сказал! Мое слово!

Слова перекрыл тяжелый, скрежещущий грохот. Перевернулась мебель. Стекло с брызгами разлетелось по паркету. До этого момента вся агрессия отца варилась в замкнутом контуре его паранойи, но сейчас внизу шел реальный бой. Не потасовка пьяных ублюдков, а жесткий, бесшумный контакт двух натренированных убийц.

Я перемахнула через ступени и застыла на лестничной площадке, вцепившись в перила.

Из дверного проема гостиной выскользнула Малика. Тяжелой шапки на ней уже не было. Растрепанные черные пряди липли к влажному лицу, отливая в свете тусклой лампы нефтяным гляncем. В ее опущенной руке тускло мерцала сталь.

Следом вывалился отец. Ткань на его левом бицепсе потемнела, стремительно впитывая разрастающееся влажное пятно. Правой рукой он сжимал свой складной нож, левой прижимал рану, блокируя кровоток.

Женщина круто развернулась на пятках. Короткий замах — и лезвие с характерным свистом рассекло воздух, целясь ему в корпус. Отец ушел с линии атаки с пугающей для его габаритов скоростью. Уклонился с грацией тяжелого хищника, даже не изменившись в лице. Дистанция не позволяла ему достать ее в ответ, но в его позе читалось однозначное: если она сделает еще шаг вперед, он вскрыет ей горло.

Малика просчитала это за долю секунды. Распахнула входную дверь и вывалилась в ледяную ночь.

Отец не двинулся следом. С глухим лязгом провернул замок, отсекая периметр, и тяжело поднял голову. Наши взгляды встретились. Я стояла на ступенях, парализованная выбросом адреналина в кровь.

— Не дергайся, — бросил он. Лицо оставалось каменным. — Эта сука сюда не сунется. Будет гнать до самой границы без остановок. Неси еще выпить.

Я спустилась на первый этаж, стараясь не смотреть на кровь, капающую с его пальцев на половики. Взгляд автоматически мазнул по обледевшему окну. На белом фоне едва различимо мелькал темный силуэт — женщина двигалась в сторону леса не бегом, а быстрым, экономичным армейским шагом, явно не собираясь замерзнуть.

— Живее! — его голос сорвался на хрип. Он покачнулся, потеряв равновесие на секунду. — Неси, я сказал!

В погребе пахло сырой землей и гнилой картошкой. Я нащупала ледяное стекло бутылки и прижалась спиной к стеллажу. Легкие горели. Потребовалось полторы минуты, чтобы заставить пульс спуститься из глотки обратно в грудь.

Когда я поднялась по деревянным ступеням назад, из гостиной снова донесся звук. Тяжелый, влажный шлепок падающего тела, за которым последовал скрип сдвинутого стола.

В ту же секунду входная дверь дернулась. Я замерла, судорожно сжимая горлышко бутылки, готовая к тому, что Малика вернулась добить цель. Но в коридор, стряхивая снег, ввалилась мама.

Мы пересеклись взглядами, и она, считав мое лицо, бросилась в зал. Отец лежал на боку, подмяв под себя край ковра.

Мама издала тонкий, вибрирующий звук, похожий на скулеж.

— Он дышит, — оборвала я ее, ставя бутылку на стол. — Живой.

Его грудная клетка тяжело вздымалась. Лицо приобрело нездоровый, багрово-синюшный оттенок, глаза закатились, оставляя узкие полоски белков. С трудом, скользя подошвами по паркету, мы вдвоем дотащили его стокилограммовую тушу до ближайшей гостевой спальни и свалили на матрас.

— Нужен врач. Звони в скорую, Буяна, — маму трясло, она металась по комнате, пока я пыталась разорвать пропитанную кровью ткань на его предплечье.

— Нет, — она сама же перебила себя, вцепившись пальцами в волосы. — Скорая — это протокол. Ножевое ранение, полиция, уголовное дело. Нас тут с землей сровняют.

— У него артерия не задета, но кровит сильно, — я бросила лоскут ткани. — Мне нужен жгут или бинт.

Она сфокусировалась. Старая медсестринская выучка перекрыла панику. Метнулась за аптечкой.

— Звони Андрею, — приказала она, разрывая упаковку бинта зубами. — Только ему.

Васильев ответил после первого гудка. Сказал, что ужинал в поселке у знакомых и будет через десять минут.

— Как нам поможет психолог? — спросила я, наблюдая, как мама заливает рану антисептиком.

— В молодости он работал полевым хирургом. Он справится.

Я нахмурилась:

— В молодости? Ему на вид от силы тридцать.

Мама подняла на меня тяжелый, нечитаемый взгляд:

— Это тебе так кажется, Буяна.

Васильев вошел в дом ровно через десять минут. Вместе с ним в комнату проникла абсолютно иная энергетика — холодная, структурная, подавляющая любой хаос. Он скинул куртку и подошел к кровати, не обращая внимания на мамины причитания.

— Помоги, Христом богом молю. Я края стянула, но тут шить надо, — бормотала она.

Если Васильев и умел транслировать психологическую эмпатию на приемах, в этой спальне он ее отключил за ненадобностью.

— Лариса, выдохни, — тон был ровным, хирургическим. — Это просто глубокий порез. Фасции целы. Крови много, потому что его печень убита алкоголем, свертываемость нулевая. Он перебрал, а не истек кровью.

Он повернулся к ней, отесняя от кровати.

— Займись делом. Принеси кипяток и таз. А мне поможет Буяна. Верно?

Я кивнула, глядя на его руки. У него были пальцы человека, который точно знает, где резать, а где зашивать.

Мама скрылась в коридоре, а я отправилась за водой.

Когда я вернулась с полным тазом, Васильев уже срезал остатки пропитанной кровью футболки. Я поставила емкость на пол и замерла, не в силах отвести взгляд от его грудной клетки и плеч.

Татуировки. Кожа была плотно, слоем за слоем забита синей тушью. И ни одна из этих линий не имела отношения к элитным военным подразделениям. Гротескные оскалы черепов, русалки с неестественными пропорциями, перевернутые кресты и криминальные перстни. От этого визуального ряда воздух в спальне стал казаться тяжелым и затхлым. Мой мозг складывал пазл: он не был героем горячих точек. Он был частью криминального мира, жестокого и грязного.

Я скосила глаза на Васильева. Психолог внимательно изучал рисунки на теле пациента. В его холодном, сканирующем взгляде читалось абсолютное понимание того, кем на самом деле является мой отец.

— Крови не боишься, Буяна? — спросил он, не поднимая головы.

— Нет.

Мы промыли рану. Пальцы Васильева двигались с хирургической точностью — ни одного лишнего движения. Он наложил швы, с хрустом отломил головку ампулы с просроченным димедролом и ввел иглу в плечо отца.

Боль или химический ожог пробил алкогольную кому. Глаза отца распахнулись. Белки были залиты красной капиллярной сеткой.

— Где эта тварь?! — его хрип резанул по барабанным перепонкам. Лицо налилось темной кровью. — Убью!

Он дернулся, пытаясь встать. Васильев даже не изменил позы. Он просто положил широкую ладонь на здоровое плечо отца и надавил. В этом будничном жесте крылась такая непреодолимая, бетонная сила, что стокилограммовый мужчина с глухим стуком впечатался лопатками обратно в матрас.

— Никакой твари здесь нет. Кроме той, что сейчас лежит под моей рукой, — произнес Васильев. Без срывов. Без изменения тембра. Абсолютный контроль. — Повторяю для контуженных: еще одна такая доза, и следующего раза не будет. Скажи спасибо жене и дочери. Ты их ничем не заслужил.

— Тварь... она... — хватка психолога не ослабевала, и отец начал сдавать. Мышечный тонус падал с каждым произнесенным слогом, пока димедрол утягивал его в медикаментозный провал.

В дверях появилась мама. Ее плечи тряслись от беззвучных рыданий. Васильев посмотрел на нее, и я отчетливо поняла: он искренне не осознает природу ее слез. Для него на этой кровати лежал кусок отработанного биоматериала, не заслуживающий и капли эмпатии.

— Он будет жить? — выдавила мама, ломая пальцы.

— Будет, — Васильев вытер руки о полотенце. — Если просохнет. Но скорее ад замерзнет, чем это случится. Снотворного хватит на сутки. У него признаки разложения печени уже на лице написаны. Думай о дочери, Лариса. Ему осталось недолго.

Глава 5

На следующие сутки димедрол отпустил его. Мама ушла на смену, оставив меня один на один с графиком приема таблеток и перевязкой. Я оттягивала этот момент, методично протирая пыль на первом этаже, пока тянуть стало невозможно.

Отец полулежал на разобранной гостевой кровати, подложив под спину скомканные подушки. От него фонило застарелым потом и болезнью. Вчерашний хищник превратился в изношенную, трясущуюся оболочку.

— Буяна, — его голос царапнул тишину. Он впервые с момента приезда назвал меня по имени.

Я застыла, аккуратно выставляя блистеры с антибиотиками на прикроватную тумбу.

— Ты — единственное, что у меня в этой жизни получилось, — он сглотнул, его кадык тяжело дернулся. — Я тебя не трогал. Деньги давал. А теперь, когда я сдыхаю, все отвернулись. Только ты можешь мне помочь.

Я спрятала руки в карманы худи, чувствуя, как эта липкая манипуляция пытается забраться мне под кожу.

— Принеси отцу выпить.

Я уставилась на паркет. В голове бились инструкции хирурга и слезы матери. Пауза затягивалась.

— Мама сказала, тебе нельзя...

Отец издал каркающий звук, отдаленно похожий на смех. Мышцы на его лице исказила гримаса абсолютного пренебрежения.

— Мама! Что твоя мать понимает? Просидела всю жизнь в этой дыре, как мышь под венником! И тебя такой же растит. Смотри на себя — стоишь, трясешься, как ветошь!

— Мать твоя... — он сглотнул вязкую слюну. — Сидит под плинтусом. И тебя там же держит. Ты же ничего не видела, кроме этих обоев! Думаешь, это жизнь?

Он обвел комнату трясущейся рукой.

— Это гроб. Стерильный гроб. Я видел, как выглядит настоящий мир, Буяна. Я стоял и смотрел, как сгоняют народы, словно скот на убой. Как бетонные коробки складываются в пыль, а под ними остается только мясной писк. Видел эпидемии, когда целые поселки вымирают, потому что кто-то раскопал не ту землю. Люди тамдохнут, как опарыши на солнце! А я не хочу гнить здесь, на этих простынях! Мне нужно встать. Мне нужно топливо, иначе мотор встанет. Клянусь честью!

Я отступила на полшага назад, ближе к дверному проему. Он не заметил, поглощенный собственной лихорадкой.

— Смотри на меня! — он вытянул вперед обе руки. Пальцы с загрубевшими фалангами выбивали неконтролируемую дробь. — Видишь? Раньше эти руки снайперскую винтовку держали без единого колебания. А теперь?

Его грудная клетка провалилась, интонация сломалась, обнажая жалкую, липкую панику.

— Если не зальюсь, я не встану. У меня галлюцинации прут. Мертвецы по углам стоят, те, кого я сам закопал. Мне нужно на волю. Я ветер. Ветер нельзя запереть...

Его словесный поток превратился в вязкую, маниакальную кашу. Он цеплялся за меня мутным взглядом, удерживая в комнате одной лишь тяжестью своей паранойи. Мой моральный барьер трещал. Мама умоляла не давать ему ни капли, но я смотрела на этого сломанного человека и понимала: абстинентный синдром убьет его быстрее, чем цирроз.

Его сизое, покрытое испариной тело дернулось вперед, сминая одеяло.

— Я заплачу тебе. Хочешь бабок, Буяна? У меня есть. Больше, чем ты способна переварить.

Мышцы на моей челюсти рефлекторно сжались. Мы скребем копейки на макароны, перебиваемся мамиными сменами со шваброй, а он покупает у родой дочери стопку водки.

— Много — это сколько? Миллион? — я уперлась спиной в дверной косяк, просчитывая траекторию отступления. Если он поймает белую горячку и бросится на меня, я успею выскочить на лестницу.

— Бери выше! — он откинулся на влажные подушки. В его глазах вспыхнул фанатичный, больно блеск. — Миллиарды. Бумагой. И золотом.

Клиника. В его потрепанном рюкзаке поместилась бы максимум пара пачек налички. Фантазии спившегося наемника меня не интересовали, а вот реальные долги за коммуналку — очень даже. Я выдохнула, принимая решение. От одного стакана он не умрет, а мама сможет закрыть брешь в бюджете.

— Двадцать пять тысяч рублей, — я смотрела ему прямо в переносицу, не мигая. — Платишь, и я приношу стакан.

— По рукам.

— Дай слово.

Отец шумно втянул воздух через нос, откинул голову на стену и прикрыл веки.

— Слово генерала Жела.

Граненый стакан был налит до краев. Он вырвал его из моих пальцев. Первые глотки пошли жадно, с судорожным глотательным рефлексом, а потом он замедлился, цедя спиртное сквозь зубы. Жидкость впитывалась в пересохшие слизистые. Он зажмурился, издавая сиплый стон, похожий на рокот глохнущего двигателя. Опустив пустую тару на тумбу, он откинулся на спинку кровати. Химический удар сработал мгновенно. Трупная серость на щеках сменилась нездоровым, лихорадочным румянцем. Фокус в глазах стал резче, вытесняя муть абстиненции.

— То, что надо, — выдохнул он. — Не думал, что так припрет.

Я смотрела на него сверху вниз. Обычные старики перед смертью просят стакан воды. Мой отец покупал себе топливо, чтобы запустить отказавшую систему. Я развернулась, чтобы уйти, радуясь, что сделка закрыта.

— Долго мне еще тут валяться? — голос вернул прежнюю металлическую жесткость.

— Мама сказала пару дней. Пока швы...

— Какие нахрен дни! — он дернулся, сбрасывая с себя одеяло. — Пока я тут гнию, эти стервятники мне путевку на тот свет выпишут и яму застолбят.

— Какую путевку?

Он не ответил. Тяжело перекатился на край матраса. Ступни с глухим стуком ударились о паркет. Он протянул руку, мертвой, клещевой хваткой вцепившись в мое запястье, используя меня как рычаг.

— Помогай!

Вес стокилограммового мужика резко потянул меня вниз. Я не удержала равновесие и рухнула коленями на жесткий пол. Сустав прострелило острой болью.

— Какого хрена ты слабая такая? — прохрипел он, нависая надо мной. — Сложилась пополам. Тяни, кому говорю!

Я уперлась пятками в пол, подставляя плечо. Он рывком поднялся. Густой запах пота и медикаментов ударил мне по обонянию. На секунду он выпрямился, но гравитация и убитая печень взяли свое — его шатнуло. Чтобы не упасть, он впился растопыренными пальцами в мою ключицу. Хватка была такой силы, что кость под кожей угрожающе хрустнула.

— Пусти, больно! — я попыталась вывернуться из-под его массы.

— Терпи! — рявкнул он сквозь стиснутые зубы.

Еще одна попытка сделать шаг — и его ноги окончательно подогнулись. Он с глухим матом рухнул обратно на матрас, чудом не утянув меня за собой. Я отступила на метр, рефлекторно растирая ноющее плечо.

Отец лежал на спине, тяжело заглатывая воздух. Его грудная клетка ходила ходуном. Физический отказ тела сломал его спесь.

— Доконала меня эта тварь, — просипел он. — Не ножом, так нутром вывернула.

Он повернул ко мне блестящее от пота лицо.

— Буяна. Ту бабу запомнила?

— Малику.

— Ее самую. Она падальщица. Но тот, кто спустил ее с поводка — настоящий монстр. Если я не успею сорваться... — он сделал паузу, проглатывая кислород. — Если они до меня доберутся. Знай: им нужен мой лэптоп.

Я нахмурилась. Ноутбук? За каким чертом профессиональным киллерам сдался его старый ноут?

— Если они сунутся, — продолжал он, сбиваясь на лихорадочный, фанатичный шепот, — бери тачку. Любую. Гони к ментам, к этому своему мозгоправу, плевать. Их надо вязать всех скопом. Эти люди... они служили Жулдызу. А я был первым в его личной охране. Я один знаю, где лежат реальные архивы и доступы к счетам. Он передал их мне, когда подышал в Туркестане. Я до сих пор вижу эту кровь на песке у броневика. Мои парни держали периметр...

Мой позвоночник окатило ледяным холодом. Президент Жулдыз. В мировых новостях его называли «Золотой Жулдыз» за маниакальную тягу к роскоши и тотальную коррупцию. Диктатор соседнего государства, чью колонну взорвали радикалы около года назад. Официальная версия гласила, что выжившего тирана добила собственная охрана прямо в пустыне, после чего из казны исчезли колоссальные суммы. Выходит, отец не просто служил там. Он был в центре этой геополитической мясорубки. И прямо сейчас этот человек лежал на нашей гостевой кровати, втягивая нас с мамой в прицел людей, которые привыкли свергать правительства.

— Что значит «приглашение»? — я сцепила пальцы в замок, чувствуя, как пульс тяжелыми толчками бьет в висках.

— Черная метка. Назначат встречу, с которой ты живой не уйдешь. Не видел таких счастливых. Не явишься — повесят куш за твою голову. Огромный куш, — отец дышал поверхностно, экономя кислород. — Малика опаснее всех. Но есть еще один. Бородатый... Мачо. Тот еще змей. Слушай меня, девка. Пока я молчу, а они не делают ход — ты тоже не отвечаешь. Смотри в оба. Ты мое наследие. Я оставлю тебе все...

Связки не выдержали. Голос оборвался на глухом сипении. Химический всплеск адреналина выжег остатки его сил, и он провалился в тяжелый, медикаментозный сон. Подбородок упал на грудь.

Я не стала приводить его в чувства. Стояла над кроватью и анализировала этот бредовый поток. Очевидно, что отцовской любви ко мне он не питал. Но если хотя бы половина из сказанного — правда, наш дом превратился в мишень. И ключом к этому был старый лэптоп, забитый паролями. Я приняла единственно верное решение: дожидаться маму с работы и выложить ей все. Нам нужно было уходить.

Но вечером поговорить не удалось. Умер сосед, Иван Петрович.

Его вдова выла в голос, и мама, движимая то ли жалостью, то ли разрушительным чувством вины за ту попойку, взвалила на себя организацию похорон. Наш пустующий гостевой дом на двое суток превратился в перевалочный пункт для скорбящей родни. Воздух пропитался запахом корвалола, еловых веток и тяжелым, давящим поминальным духом.

Спустя пару дней после похорон отец вроде бы вернулся к своему режиму. Но на поминках он сорвался и залил в себя колоссальную дозу спиртного. За обещанные двадцать пять тысяч он даже не вспомнил. Слово генерала Жела не стоило и ломаного гроша.

Его поведение стало невыносимым. Он сидел среди чужих людей, распространяя вокруг себя токсичную, подавляющую ауру. Рычал на гостей, критиковал все подряд, и никто не смел заткнуть ему рот. Местные жались по углам, стараясь не пересекать его периметр.

Физика тела начала отказывать ему. Он больше не патрулировал поселок. Хватало сил только дотащиться от матраса до окна. Он распахивал створку, выпуская в душную комнату обжигающий мороз, и жадно, с хрипом заглатывал воздух. Внешне он гас. Выцветал с каждым днем.

Но паранойя никуда не делась. Наоборот, она обострилась. Теперь, когда я приносила ему таблетки, он не просто буравил меня взглядом. Он демонстративно клал на тумбочку свой тактический нож. Раскрытое лезвие. Молчаливая гарантия того, что он готов вскрыть любого, кто подойдет слишком близко.

На пятый день после похорон произошло нечто, от чего мой позвоночник сковало льдом. Я ставила поднос на его стол, когда он посмотрел на меня и... попытался улыбнуться. Лицевые мышцы, годами стянутые спазмом агрессии, сработали неправильно. Губы разъехались в гротескный, пугающий оскал хищника.

Мои пальцы разжались сами собой. Поднос с грохотом рухнул на паркет. Стакан разлетелся вдребезги, залил пол водой и раскидав блистеры. Я отшатнулась, ожидая удара или мата, но отец просто отвернулся к стене. Словно ничего не произошло.

Воздуха в комнате критически не хватало. Я выскочила из дома прямо в чем была, пытаюсь продышаться на заднем дворе. Но спасительный холод не принес облегчения.

Спасительный холод заднего двора ударил по легким, но сделать и двух шагов я не успела. Выход перекрыла массивная фигура.

Чужая, тяжелая мужская рука в кожаной перчатке легла мне на затылок, намертво фиксируя шейные позвонки. Вторая впилась в плечо, разворачивая и жестко впечатывая меня спиной в чужой корпус.

Я забилась в этом профессиональном, стальном захвате, пытаюсь рассмотреть нападавшего. Тщетно. Надвинутая по самые брови шерстяная шапка, объемный, намотанный в несколько слоев темный шарф и густая, колючая борода, царапающая мне висок. Лицо было скрыто полностью. Единственное, что пробивалось сквозь эту маскировку — глаза. Темные, сфокусированные, горящие контролируемой силой.

— Вы не понимаете, — просипела я, борясь с удушающей паникой, пока он толкал меня обратно к дверям дома. — Там опасно. Для всех нас.

Грудная клетка за моей спиной вибрировала. Он издал короткий звук, похожий на усмешку, в которой читалось абсолютное, тотальное превосходство над ситуацией.

— Я знаю, — низкие, виолончельные частоты его голоса ударили прямо мне в ухо. Сквозь грубую вязку шарфа на мою шею легло обжигающе горячее дыхание. — Но у меня свои причины.

С этими словами он двинулся вперед, используя меня как живой щит. Каждый шаг превращался в пытку физикой. Его масса подавляла. Тяжелые армейские ботинки били по моим пяткам, диктуя жесткий, неумолимый ритм. Он практически нес меня на себе, вдавливая своим торсом, лишая малейшего шанса на сопротивление. Любая попытка затормозить заканчивалась тем, что он просто сминал мою инерцию. Выбора не оставалось — я перебирала ногами, направляя его к гостевой спальне.

У самого порога он сместил хватку, рывком убрал меня с траектории и вбил подошву в деревянную дверь.

Дверное полотно с оглушительным треском вылетело из петель и впечаталось во внутреннюю стену. Мужчина шагнул в полумрак спальни, втягивая меня за собой.

— Ну, здравствуй, Жел.

Звуковая волна ударила по стенам. С таким объемом легких и мощностью голосовых связок можно было отдавать приказы под артиллерийским огнем. Звук завибрировал у меня в груди.

Отец вскинул голову. Я впервые в жизни наблюдала химическую реакцию мгновенного отрезвления. Алкогольный туман испарился из его глаз за миллисекунду. Обвисшие мышцы лица натянулись до предела. Он не издал ни звука, только животный инстинкт выживания швырнул его тело назад — он судорожно, ломая ногти о простыни, попытался перевалиться на другую сторону кровати, подальше от возвышающейся в дверях фигуры.

— Тю-тю-тю, — мужчина цокнул языком, выбивая темный, насмешливый ритм. — И куда это ты собрался? Под кроватью не отсидишься. Тебя из-под земли выкопают. Твое время вышло.

Он разжал пальцы на его плече.

Воздух с обжигающим хрипом прорвался в легкие.

— Милая, поди-ка сюда, — голос незнакомца упал на октаву ниже, растеряв насмешку.

Инстинкт самосохранения вопил требованием броситься в разбитый дверной проем, но мышечный каркас подчинился чужому вектору. В этом спокойном приказе крылась такая магнетическая, давящая плотность, что послушаться оказалось физически невозможным. Я сделала два неуверенных шага навстречу массивной фигуре.

Он не стал сразу лезть в карман. Возвышаясь надо мной, мужчина чуть склонил голову. Темные глаза — единственное, что не скрывала глухая экипировка — перестали контролировать периметр и сфокусировались исключительно на мне. Радужки медленно скользили по линии моего лба, скулам, губам, препарируя каждую деталь. В этом разглядывании не было спешки наемника — только тягучий, концентрированный мужской интерес.

Его рука поднялась. Я дернулась, но жесткая черная кожа тактической перчатки уже легла мне на подбородок. Большой палец с легким нажимом провел по моей нижней челюсти, фиксируя лицо, заставляя смотреть прямо в эти обжигающие глаза. От грубого материала перчатки пахло оружейным маслом, горьким табаком и морозной улицей.

Прикосновение было пугающе интимным, собственническим, дико контрастирующим с выбитой дверью и сжавшимся в углу отцом.

Мужчина изучал меня, словно сличая с каким-то внутренним шаблоном. Искал генетическое сходство.

— Ни одной общей черты, — низко, с откровенным удовлетворением констатировал он сквозь плотную вязкую ткань шарфа. — Удивительно.

Большой палец еще секунду задержался на моей скуле, медленно оглаживая кожу поверх грубой кожи перчатки, словно запоминая фактуру. В темных глазах напротив вспыхнуло нечто вязкое, пульсирующее. Безмолвное обещание. Затем он плавно разорвал контакт.

Мужчина опустил руку во внутренний карман пальто и вложил мне в ладонь прямоугольный кусок картона. Мои подушечки пальцев скользнули по плотной, холодной поверхности. Она имитировала выделанную кожу или жесткий бархат. Насыщенный коричневый цвет и вдавленный по центру золотой логотип — сложная геометрическая фигура, напоминающая масонский символ. Неуместно дорогая, элитная вещь в пропахшей перегаром комнате.

— Передай приглашение.

Я осталась стоять с бархатной картой в руке, чувствуя, как на скуле все еще горит фантомный след от его перчатки. Отец перевел взгляд с растворившегося в коридоре незнакомца на мои пальцы. Кожа вокруг его глаз мелко, спазматически задергалась, обнажая чистый, неконтролируемый первобытный ужас.

Глава 6

Я вывалила на маму всё. Без купюр и сглаживаний. Ее реакция была мгновенной — она обрушилась на меня с обвинениями за молчание. Но хуже всего было другое. Ей не пришлось объяснять терминологию. При виде бархатного прямоугольника с масонским логотипом кожа на мамином лице натянулась, обнажая застарелый, животный страх. Она знала, что значит «выписать приглашение».

У нас не было роскоши играть в правильную скорбь. Мы тонули в долгах. Отец выжал из нас последние ресурсы, пока отсиживался в нашем доме, и теперь, по жесткой логике мамы, его смерть должна была это окупить. Похороны стоили сумасшедших денег, а мы скребли по дну.

— Он сломал мне жизнь, Буяна. Он нам должен, — жестко сказала она, швыряя вещи в дорожную сумку.

Я не спорила. Прагматизм двадцатилетней девчонки, уставшей от нищеты, вытеснил мораль.

Но оставаться в доме, где воздух пропитался запахом трупов и профессиональных убийц, было самоубийством. Тот человек в шарфе и с тяжелым взглядом мог вернуться в любую секунду, чтобы проверить, как мы усвоили урок. Нам требовалась глухая оборона, официальная защита, бронированный сейф. Но вместо пульта дежурного полиции мама набрала номер Васильева.

Местный муниципальный психолог. Идеальный щит от элитных киллеров. Ирония горчила на языке.

Васильев находился в городе и коротко велел выдвигаться к его участку на другом конце поселка. Мы натянули зимние куртки, сгребли в рюкзак документы и шагнули в стылую тьму.

Зима уже диктовала свои правила. Желтые конусы уличных фонарей резали падающий снег. Мы шли дворами, петляя по обледелым тропинкам, инстинктивно вжимаясь в глухие тени заборов. Привычный с детства пейзаж мутировал. Лай цепных псов, скрип калиток на ветру, тусклые квадраты соседских окон — всё это больше не давало ощущения дома. Теперь каждый темный проулок казался слепой зоной, откуда в любой момент мог вышагнуть человек в тактической экипировке.

Я оглядывалась на запертые фасады, физически ощущая, что мама приняла единственно верное решение. Соседи вроде Ивана Петровича задвинут щеколды при первом же подозрительном звуке. Полиция — это бумажная волокита и утечка информации. В нашем поселке выживание всегда было делом сугубо личным.

Мы добрались до глухого забора Васильева. Окоченевшими, негнушимися пальцами я выудила холодный ключ из-под обледелого цветочного горшка у сарая. Металл со скрежетом провернулся в замке.

Ввалились в темную прихожую, и только когда тяжелая дверь плотно вошла в пазы, отсекая нас от улицы, я позволила себе сделать первый глубокий вдох. Воздух здесь пах молотым кофе, чистым деревом и мужским парфюмом, а не кровью, перегаром и порохом. Стены чужого дома временно стали нашим бункером.

Васильев вошел в дом через два часа. На его куртке не успел растаять снег. По плотно сжатым челюстям и обрывистым движениям было видно: гнал на пределе скорости.

Мама вывалила на него хронологию вечера без единой паузы. Я сидела на диване, молча сканируя их реакцию, и с каждой секундой проваливалась в ледяной вакуум. Они оба — и моя мать-поломойка, и этот провинциальный мозгоправ — прекрасно знали, кто такие Малика и «бородатый Мачо». Имена произносились не как пустой звук, а как знакомые, застарелые диагнозы. Только я оставалась слепым котенком в этой комнате.

Васильев стянул ботинки, не разуваясь до конца, и глухо констатировал факты: местная полиция сидела на взводе с первого дня, как отец переступил наш порог. Последние две недели участковые дежурили чуть ли не в полной выкладке. По поселку курсировали люди с военной выправкой. Местные пенсионеры сканировали чужаков, покупавших сигареты или хлеб, и обрывали телефоны дежурной части. Слухи о генерале Желе расплзались ядовитым пятном.

Паника заперла соседей за глухими заборами. Разъяснения полиции пролетали мимо кассы. Васильев признался, что в кабинете участкового скопилась стопка заявлений толщиной с кирпич. В них нас с мамой прямым текстом обвиняли в пособничестве террористам.

— Твари, — мама с силой втерла ногти в ладони. Лицевые мышцы исказила жесткая, затравленная злоба. — Двенадцать лет здесь спины гнем, ни копейки чужой не взяли. И мы теперь пособники? Никто из них даже за забор не выглянул, когда он нас давил. Значит так. Мы возвращаемся.

Она развернулась к вешалке. Васильев шагнул наперерез, перекрывая проход.

— Лариса, остановись.

— Отойди, — она не повысила голос, но тон был жестким, прошитым отчаянием. — Мне плевать на угрозы. Мы с Буяной выживали в этом дерьме без чужой помощи. И сейчас выживем. Мы вернемся и заберем то, что он там оставил. Это наши деньги. За каждый год, что он вытирал о нас ноги. Деньги решают всё, Васильев! И если мы их оставим, эту кассу заберут его бывшие цепные псы. Одевайся, Буяна.

Я молча застегивала куртку. Васильев перевел тяжелый взгляд на меня, потом снова на мать.

— Это клиническое... , — его голос упал, наполнившись металлом. — Ты понимаешь, кто сейчас шерстит твой дом? Это профи. Машины для зачистки. Если вы пересечетесь, они вас на куски порежут. Лариса, не втягивай в это девчонку!

Я продолжала тянуть молнию на куртке. Мой внутренний предохранитель давно сорвало. Двадцать лет мы пересчитывали мелочь у кассы. Если в том старом армейском рюкзаке лежали пачки купюр, которые могли выдернуть нас из этой социальной ямы, я была готова рискнуть. Мы всегда решали свои проблемы сами. Жалость к себе здесь не работала.

— Дашь мне кухонный нож? — сухо спросила мама, глядя Васильеву прямо в глаза.

— Хрен тебе, а не нож, — сцедив ругательство, Васильев резко развернулся к шкафу в прихожей.

Он откинул дверцу. Щелкнул кодовый замок внутреннего сейфа. Психолог, работающий с трудными подростками, достал из металлического ящика черную тактическую кобуру с зафиксированным в ней пистолетом. Пристегнул ее к ремню под свитером, не тратя времени на объяснения.

Потом задержался ровно на минуту, чтобы сделать один короткий звонок.

Мы вышли на улицу и погрузились в непрогретый салон его внедорожника. Двигатель завелся с низким, хищным рыком. Васильев не стал включать фары. Машина скользнула в темноту, сливаясь с ночным пейзажем, и покатила в сторону нашего дома по мерзлой грунтовке.

В салоне стояла мертвая тишина. Вместо шуршания шин по обледенелой колее я слышала только нарастающий стук собственного пульса, отдающий в барабанные перепонки. Мой мозг кричал о том, что ехать в дом, набитый вооруженными боевиками, — это билет в один конец. Но оставить мать я не могла. Васильев, конечно, демонстрировал навыки, явно не вписывающиеся в диплом психолога, но он не был нам неродной. Защищать нас ценой своей жизни он не подписывался.

Васильев заглушил двигатель в трех кварталах от нашего участка, втиснув внедорожник в узкий технологический карман между гаражами.

Ударил жесткий, сухой минус. В такую погоду облачность сдувает к горизонту, оставляя над головой лишь пронзительно-черное небо и диск луны, выжигающий снежный наст мерт-

венным, стерильным светом. Мы двигались огородами, след в след. Из легких с каждым выдохом вырывались рваные облака белого пара, маркируя наше нервное, учащенное дыхание.

Васильев шел первым. Он сдвигал шпингалеты соседских калиток абсолютно бесшумно и оставлял створки приоткрытыми — готовил трассу для экстренного отхода. Никаких теней. Никаких следов взлома. Глухой, вымороженный поселок казался вымершим.

С тыльной стороны наш гостевой дом выглядел черной, глухой коробкой. Ни единого блика. Мама и Васильев проникли внутрь через технический вход. Я зашла последней, когда они уже заблокировали нижние замки. Психолог методично прошел по периметру, задерживая светонепроницаемые шторы блэкаут, которые мы закупали для дневного сна постояльцев. Только когда окна превратились в световые заглушки, мама рискнула щелкнуть кнопкой туристического фонарика.

Мой позвоночник свело от абсурдности происходящего. Мы скользили лучами света по собственным стенам, втягивая головы в плечи, как домушники. А за стенкой, в гостевой спальне, медленно остывал труп моего отца.

Мы проверили нижнюю спальню. Тело по-прежнему лежало на матрасе. Мама издала рваный, влажный звук, похожий на всхлип, но Васильев жестом заставил ее замолчать и указал на лестницу.

В родительской спальне на втором этаже процедура повторилась: блокировка замков, опущенные пластиковые жалюзи, плотные шторы. Только после этого щелкнул выключатель бра.

— Здесь, — выдохнула мама, распахивая двери глубокого встроенного шкафа.

В самой глубине, за нагромождением обувных коробок и зимних чехлов, тускло отсвечивала пыльная ткань выцветшего армейского рюкзака и жесткий пластик старого чемодана.

— Ускоряемся. Тайминг не на нашей стороне, — скомандовал Васильев.

Я перемахнула через коробки и выдернула рюкзак за лямки. Он оказался легким. А вот чемодан, когда я потянула его за ручку, даже не сдвинулся по ламинату. Слово было привинчен к полу.

Васильев отстранил меня плечом. Он уперся ногами, перехватил пластиковый бокс двумя руками и с характерным мышечным выдохом вытянул его на свет. Металл внутри глухо, тяжело лязгнул.

Психолог присел на корточки, провел пальцами по заклепкам корпуса и издал короткий, свистящий звук сквозь зубы.

— Лариса, это не чемодан, — его голос стал плотным, хирургически собранным. — Это оружейный кофр. Внутри ручной пулемет. Судя по балансировке — сирийская модификация со съемным стволом. Используется под тяжелый калибр на базе пикапов. Ты вообще представляла, с чем спишь под одной крышей?

Мама заморгала, часто втягивая воздух. Откуда ей было знать? Отец мог замуровать в этом пластике боеголовку, она бы не посмела сдвинуть кофр и на миллиметр.

— Ты уверен, что там... нет наличных? — ее голос дрогнул, выдавая панику человека, у которого только что сорвался джекпот.

— Замки кодовые. Вскроем — узнаем.

Рюкзак вскрыли без проблем. Внутри оказалась банальная бытовуха беглого наемника: сменное термобелье, стертые джинсы, тактическая кепка с вышитым логотипом «Тюркестях» и пара жестких бархатных футляров с армейскими крестами. Ни флешек, ни офшорных документов, ни единой банкноты.

— Ищем цифровой код. По карманам, на брелоках, в телефоне, — Васильев уже поднимался на ноги.

Мы вернулись на первый этаж, в комнату с трупом. Температура здесь уже заметно упала. Мама, преодолевая брезгливость, методично вывернула карманы отцовской куртки и брюк. Прощупала матрас. Ничего. На тумбочке валялись только его складной нож, смятая пачка сигарет, дешевая зажигалка и тот самый бархатный квадрат с масонским тиснением. «Приглашение».

— Время уходит, — процедила мама, вытирая руки о джинсы. — Здесь пусто.

Мы втроем застыли над телом. Живым он генерировал проблемы непрерывным потоком, но мертвым умудрялся создавать их с еще большим размахом.

— Уходим. Периметр не безопасен, — Васильев потянулся к выключателю.

— Никуда мы не пойдем, пока не вскроем этот пластик, — мама встала между ним и дверью. Ее взгляд горел фанатичным, отчаянным упрямством. — Я перетряхну шкафы. Буяна, осмотри его еще раз.

Она включила фонарик на телефоне и шагнула к комоду. Я опустилась на край матраса. Луч света мазнул по обмякшему телу отца. При тех дозах спирта, что он вливал в себя ежедневно, его нейронные связи должны были превратиться в кашу. Человек с такой степенью алкогольной деградации не доверяет сложным паролям собственную память. Он фиксирует их на самом надежном носителе.

Я встала. Схватила отцовский нож с тумбочки. Лезвие вышло из паза с сухим щелчком.

Подойдя к трупу, я откинула край покрывала. Отец лежал навзничь, тяжелый и серый. Я оттянула ворот его липкой от пота футболки левой рукой, а правой с силой полоснула клинком сверху вниз, распарывая ткань до самого пояса.

Фонарик выхватил из полумрака синюшную кожу, забитую криминальными паттернами. Я методично исследовала каждый дюйм. Логика сработала: на внутренней стороне правого бицепса, почти у подмышечной впадины — там, где кожу не видно при обычных движениях — кривоватыми синими чернилами был набит ряд из пяти цифр.

— Четыре, девять, восемь, пять, шесть, — прочитала я вслух и двинулась к лестнице.

На втором этаже Васильев крутанул диски кодового замка. Внутри механизма что-то мягко щелкнуло, и тяжелые пластиковые защелки отстрелили вверх. Мы втроем склонились над кофром.

Васильев не ошибся. В фигурных пазах плотного поролона лежал разобранный ручной пулемет и ленточные короба. Отец реально превратил наш дом в огневую точку.

Но маму интересовало другое. Поверх смертоносного железа лежали два плотных вакуумных пакета формата А4. Васильев вскрыл первый — внутри оказался тонкий тактический лэптоп с матовым корпусом и моток кабелей. Мама выхватила второй. Пленка с треском разошлась, и на ламинат вывалились туго стянутые пачки.

Мама издала звук, средний между задушенным смехом и истерическим всхлипом.

— Вот теперь, Буяна, я могу официально заявить соседям, что твой отец был приличным человеком. Оставил семье компенсацию.

Компенсацию? Я смотрела на нее, не испытывая ничего, кроме нарастающей тревоги. Она рухнула на колени и принялась лихорадочно перебирать пачки, бормоча под нос номиналы. Там не было рублей. Только плотные банковские упаковки юаней, долларов, евро и фунтов. Мультивалютная заначка человека, готового сорваться в любую точку мира за пару часов.

Пока мама гипнотизировала деньги, а Васильев крутил в руках холодный пластик лэптопа, мой взгляд зацепился за белый прямоугольник, выпавший на дно кофра.

Я подняла фотографию. Старый, выцветший снимок. Отец — моложе, без глубоких шрамов — стоял в обнимку с Маликой. А рядом с ними застыл черноволосый юноша. Ему было от силы лет пятнадцать-шестнадцать. Я напрягла зрение, пытаясь уловить в его чертах сходство с отцом. Брат?

Нет. Вряд ли. Парень был зятанут в полную тактическую выкладку, а кисти прятались в кевларовых перчатках. Это не семейное фото из парка. Они позировали где-то на закрытом военном полигоне. Снимок обжигал странным, неправильным подтекстом. Я хотела передать его маме, но...

Тишину разорвал посторонний звук.

Я резко вскинула руку, сжав пальцы в кулак.

— Тихо!

Васильев мгновенно замер. Мама перестала шуршать купюрами.

Сквозь стеклопакет донесся тягучий, методичный хруст. Так шипованная резина сми-нает подмороженный наст, когда машина крадется на холостом ходу, с выключенными фарами. Звук, который я уже слышала сегодня вечером.

Мама судорожно начала сгребать пачки обратно в пакет, сминая плотную бумагу. Васильев в два шага пересек комнату, погасил бра и прильнул к щели между светонепроницаемыми шторами.

По моему позвоночнику пополз ледяной пот. Вот и всё. Сейчас нам реально понадобится сирийский пулемет. Иронично будет посмотреть на лица соседей, когда мы разнесем тихий поселок длинной очередью из крупного калибра.

Я скользнула к окну и встала рядом с психологом.

Из черного внедорожника, застывшего у нашей калитки, без единого звука выскользнули четыре тени. Они не переговаривались. Они рассредоточились по периметру двора текучими, отработанными движениями, сливаясь с темнотой.

Желудок стянуло спазмом. Это были не коллекторы и не местная шпана. Это была зачистка. У нас был пистолет Васильева и кухонный нож, но против этого тактического звена мы оставались просто мирным, обреченным мясом.

Васильев коротко, жестко опустил ладонь мне на плечо. Приказ: не дышать.

Глава 7

Воздух в комнате спрессовался. Логика выживания диктовала единственно верный расклад: эти люди пришли не за отцовской душой, они пришли за его наследием. И прямо сейчас этот капитал рассовывали по нашим карманам.

Васильев с щелчком снял пистолет с предохранителя, зажав матовый корпус ноутбука под мышкой. Я перевела взгляд на маму. Она с остервенением трамбовала плотные пачки валюты под свой зимний пуховик. Бумага жестко шуршала, ее фигура визуально деформировалась, обрастая неестественными буграми, но эстетика нас волновала в последнюю очередь.

Снизу донесся едва уловимый металлический скрежет. Замок вскрыли. Следом — приглушенный хлопок по стеклу и кристаллический звон осыпающихся на кухонный кафель осколков.

Они были внутри.

Ни скрипа половиц, ни тяжелых шагов. Вторженцы текли по дому бесшумно, как ртуть. Сквозняк доносил еле заметные шорохи, смещающиеся в сторону гостевой спальни с трупом.

Васильев поймал мой взгляд и дернул подбородком в сторону коридора. Уходим.

Мы не стали включать даже экран телефона. Двинулись вслепую. Васильев шел на острие с поднятым стволом, мама за ним, я замыкала цепочку. Я тестировала носком кроссовка каждую деревянную ступень, прежде чем перенести на нее вес. Мышцы бедер сводило от статического напряжения.

На площадке между этажами мы вмерзли в пол.

В комнате с отцом вспыхнул резкий белый свет тактического фонаря, резанув по коридору. Мы синхронно вжались лопатками в неосвещенный угол лестничного пролета. Кислород в легких закончился, но я не позволяла себе сделать даже поверхностный вдох.

— Цель мертва, — густой, резонирующий бас заполнил первый этаж. Мачо.

На три бесконечные секунды дом погрузился в вакуум. Кто-то процедил грязное ругательство, сплюнув на паркет.

— Обыскать периметр тела, — скомандовал второй мужской голос, жесткий и наэлектризованный раздражением.

Васильев сделал знак двигаться дальше. Мы соскользнули с последних ступеней и бесплотными тенями втянулись в пустую гостевую комнату напротив кухни.

— Труп уже потрошили, — снова бас Мачо. — Ткань на груди вскрыта.

— Сам на себе порвал перед смертью?

— Ровным резом от ножа? Чушь.

— Заткнули пасти и работаем! — женский тембр резанул по мужским частотам, как стеклорез. Малика. От звука этого голоса мой желудок провалился куда-то в таз. — Вы двое — наверх.

Потолочные перекрытия дрогнули под тяжелыми, быстрыми шагами. Они перестали таиться. На втором этаже щелкнули выключатели.

В нашей темной комнате мама уперлась ладонями в раму пластикового окна. Она давила на ручку с выверенным усилием, борясь с промерзшим механизмом так, чтобы он не издал предательского пластикового треска. Створка поддалась, и в лицо ударил обжигающий ночной минус.

Сквозь дощатый потолок пробивались их голоса.

— Пакетов с кэшем нет!

— Плевать на бумагу. Ищите ноут. Выпотрошите сейф! Да, этот ублюдок его заблокировал. Мамба, ключи на трупе были?

— Тут кодовый замок, кретин! — прошипела Малика. — Если мы уйдем без машины Жела, вы трупы!

— Рюкзак пустой.

— Ищите комбинацию цифр!

Из комнаты с отцом донесся оклик Мачо:

— Сверху, проверьте этот ряд! Четыре, девять, восемь, пять, шесть. Набито у него подмышкой.

Мама перекинула ноги через подоконник и спрыгнула в сугроб. Я скользнула следом, пропуская под куртку ледяной ветер. Васильев задержался в оконном проеме, удерживая коридор на мушке. Он сунул мне в руки лэптоп, и я прижала холодный пластик к груди.

— Железа тут нет, — голос со второго этажа звучал глухо. — Походу, мелкая сука его забрала.

Васильев мягко перемахнул через подоконник, прикрывая створку снаружи. Мы не стали дослушивать. Мои ботинки вгрызлись в снежный наст, и мы бросились прочь от фасада, растворяясь в спасительной слепоте зимних огородов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.